

Наташа Северин

Каприсы

Данте

Данте не смог долго жить в Бронксе (Н-Й) и переехал в Брянск. Тут ему дали общежитие, поношенное пальто и кепку. Алигьери (Я правильно пишу? Если нет – сами исправьте.) не вышел в первый же день на работу экстерминатором и на второй был уволен. В общежитие он пришел пьяным после 11 ночи, и его не пустили. Он просидел всю ночь за мусорным баком, а утром начал приставать к вахтеру с вопросом, как называлось его произведение, где спускались в ад, – это было в кроссворде. Никто не знал. Данте не сумел решить кроссворд. Во время завтрака в кафе он вдруг запел на немецком, и ветеран войны с орденами ударил его наотмашь.

– Ну, это уж слишком! – взвился Данте и исчез.

Его видели в Бобруйске. Он сидел в садике у вокзала, весьма невымытый, нечесанный, и читал клоч газеты «Бобруйский мир». Данте бормотал что-то, обращаясь к некому Кавальканти, но Кавальканти отсутствовал в этом месте. Рядом была только маленькая грязная собачка, которая смотрела ему в глаза.

Летающий матадор

Во время боя с Быком можно успеть очень многое. Вот он мчится на твой красный плащ, из глаз его – искры, из-под копыт его – искры, пена падает на песок (этот Бык умеет изо-

бражать!]), а ты взмахнул плащом и – вжик! – уже сидишь в кафе и пьешь кофе с Брет, а можно и не с ней, потому что она все время нудит по-американски: «Милый то, милый сё», – и это надоедает. Выпил чашку, закурил, глядишь, Бык на арене в растерянности – убивать некого, – вжик! – ты тут как тут, перед ним, смотришь в глаза своей смерти с улыбкой – соскучился по мне? Не буду в тебя втыкать бандерильи и прочий хлам, симпатичный ты, обойдемся этой красной тряпкой, вышитой золотом, невеста потрудилась, ведь мне надо еще жениться во время боя на Лауре, она беременна. У Быка мелькнуло сострадание в глазах, но он пошел на меня с решительным видом. Играет по правилам.

Трибуны бесновались, как всегда. Они беснуются по любому поводу. Пришли сюда побесноваться. Дома скучно, еду не солят и не перчат по современным диетам. Жены надоели, любовниц заводить дорого, жизнь беспросветна, вот и идут бесноваться к нам. Мы с Быком это понимаем. Кстати, зачем мне детей заводить? Не хочу детей. Вжик! – и я уже в церкви, женился на Брет, чтоб не жениться на Лауре. Снова с Быком. Он мне жалуется – ты побыстрее делай свои дела, я тут один отдуваюсь, тяну время, скачу вхолостую, глупо выгляжу. «Я сейчас, – утешаю его, – мне нужно только шпагу наточить, чтоб тебя убить красиво, эта не проткнет твою холку». Бык бормочет: «Торопись». Вжик! – и я в Аргентине на свадьбе кузины, нельзя было не поехать, наврал Быку, ничего, уже вернулся, точу оружие – и снова на арене. Никто ничего не заметил. Бык старается вести себя бодро. И пока мы выписываем предсмертные пируэты, интересуется моей свадьбой, сколько людей было и все такое. Да какая свадьба? У меня завтра бой. Буду ночевать один в гостинице. Я понимаю, он просит о пощаде. Трудно мне убивать этого Быка. Он смотрит прямо в глаза, когда мы приближаемся друг к другу, что-то человеческое есть во взгляде. Но мы знаем правила игры.

Наступает последний момент – у корриды время точно рассчитано. Я взмахнул шпагой, металл зловеще сверкнул. Бык, как друг, послушно опустил голову, чтоб мне было удобнее его убивать, и – вжик! – мы с Быком сидим в любимом кафе на площади и пьем красное вино за дружбу профессионалов, вот и Брет подошла, она своего бокала не упустит. Сейчас я их познакомлю.

Предчувствие

Все снова рушится, почва уходит из-под ног, хватаешься за клавиатуру, она со смехом ускользает, хватаешься за воспоминания, они раздраженно пожимают плечами. У моего окна появилась багряная планета. Это Плутон, властелин загробного царства, покровитель медных и золотых копей, драгоценных камней, враг Орфея. Он появляется везде, где грядет долгожданное разоблачение, торжество правды, чье-то падение, смерть в беславии, отвергнутая любовь и кровавая месть. Это разрушитель. Правда, птица Феникс тоже принадлежит ему. Но она для избранных. Теперь он стоит у моего окна, смотрит на меня, и я не смею отвести глаза – как можно отвести их от властелина?

В то же время я стою на берегу океана, он сегодня тоже страшен, не волнами своими, а напряжением. Посиневшие темные воды бьет дрожь. Временами он с рыком бросается на сушу, вгрызается белыми клыками в землю, урчит, как стая синих волков, и отползает, отхватив свой кусок. Моя умершая мать в стареньком купальнике стоит на берегу и готовится зайти в воду. Она обращается ко мне: «Не ходи сюда. Вода кипит. Ты не выплывешь». И смело бросается в волны.

Рот

Он будет там, где мы скажем, а не там, где нарисовано в учебнике по анатомии, у тех, кто его выпустил, рта уже нет, но у вас еще есть шанс сохранить, так что следите за прессой и телевидением, там есть намеки и прямые указания, где в данный момент развития человечества на вашей части глобуса рот должен находиться, чтоб соответствовать широте мысли, долготе жизни и времени года; не кривите его самовольно, не переставляйте без разрешения, никаких подтяжек, зашивания ниткой в знак протеста, прибаваний к Красной площади, за этим ведется спутниковое наблюдение, косметическая нитка выдается теперь по удостоверению, зубы же не выдаются никогда, экономьте данные природой; тем, кто использует рот для размножения, будут

выданы сертификаты и хлебная карточка, без сомнения увеличивайте губы, это вклад в процветание общества, но не закусывайте их, у нас есть плоскогубцы, которые изящно вернут им форму, улыбайтесь!

Нью-Йорк

